

УДК 94(450).05

***LIBERALI ERUDITIONE* И АРИСТОТЕЛЕВСКОЕ
НАСЛЕДИЕ: ПРОЕКТЫ РЕФОРМЫ Ф. МЕЛАНХТОНА
В ВИТТЕНБЕРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ**

П.Н. Котляров

Аннотация

Реформация в Германии обозначила много важных вопросов во всех сферах общественной жизни, в том числе в университетских традициях и порядках. Ещё в предреформационные годы Мартином Лютером была поставлена под сомнение необходимость преподавания в университетах отдельных аристотелевских трудов. Гуманист Филипп Меланхтон (1497–1560), ближайший соратник и последователь Мартина Лютера, вначале поддержал «изгнание» Аристотеля. Однако уже в конце 20-х годов XVI в. его отношение к Аристотелю претерпело существенную эволюцию, что привело к программе по возвращению трудов античного философа в университеты. В центре внимания статьи – трактат гуманиста “*De philosophia*” (1536), в котором излагаются взгляды на аристотелевское наследие. Автором статьи анализируются смыслы понятия *liberali eruditione* (либеральная эрудиция), под которым Меланхтон понимал синтез и компромисс между античной учёностью и новой религиозностью.

Ключевые слова: Ф. Меланхтон, Аристотель, Реформация, гуманизм, либеральная эрудиция, образование.

История интеллектуалов, взаимоотношений внутри творческих и научных групп, а также внутри той или иной политической оппозиции сегодня получает новый прилив внимания и интереса со стороны общества, в том числе и потому, что историческая наука обрела новые инструменты и овладела новыми подходами. Они позволяют более пристально вглядываться в историю людей и их отношения, культурные контексты их деятельности, их роли и модели поведения, реакции на идеи и действия друг друга. В целом картина оказывается гораздо сложнее и многослойнее, чем представлялось раньше.

Всё сказанное целиком относится к такой сложной эпохе, как Реформация, и к отношениям внутри такой большой группы, как реформаторы, начиная с лидеров и заканчивая рядовыми сторонниками. Среди вопросов, которые оказались для реформаторов на первом плане, были и задачи преобразования в университетах, в первую очередь пересмотр их программ и традиций обучения. Нельзя сказать, что учёными данные темы уже полностью исследованы, это касается и «проблемы Аристотеля». Насколько немецкие реформаторы были единодушны в оценке его наследия? Какое место отводили ему в деле университетского образования?

На первый план здесь выходят две фигуры: Мартин Лютер и Филипп Меланхтон. Отношение Лютера к литературному наследию Аристотеля общеизвестно. Э.Ю. Соловьёв выявил, что ещё в 1508 г. реформатор высказался против схоластического аристотелизма, считая его главной причиной расцвета интеллектуализма, погубившего живую веру в церкви [1, с. 85]. Добавим, что многие факты обнаруживаются в сочинениях и выступлениях Лютера 1517–1525 гг. Жёсткая позиция прослеживается в диспуте, который имел место за два месяца до начала Реформации (4 сентября 1517 г.). Среди 97 тезисов в “Disputatio contra scholasticam theologiam” (WA, p. 224–228) особое место заняла критика Аристотеля. Лютер категорическим образом убеждал в том, что Аристотель своими сочинениями «наводит тьму в ясных вещах»¹ (тезисы 41–42) (WA, p. 226). Он также упрекал аристотелизм своего времени во вреде, нанесённом христианскому учению о благодати, заявив о его полной враждебности католической доктрине. В последующие годы критика Лютера не ослабевала – наоборот, он прилагал максимум усилий, более или менее успешных, ради устранения аристотелевских трудов из учебного процесса Виттенбергского университета, с которым реформатор был очень тесно связан.

Однако если враждебность Мартина Лютера к Аристотелю общеизвестна, то отношение к греческому философу другого масштабного виттенбергского реформатора – Ф. Меланхтона – пока не комментируется столь единодушно. Хотя в целом в историографической традиции тема «взаимоотношений» Лютера и Меланхтона с трудами Аристотеля не осталась вне поля зрения учёных, этот сюжет не раз привлекал внимание историков. Предметом исследований становились как проекты образовательных реформ, направленные на дистанционирование от Аристотеля, так и деятельность Меланхтона по «возвращению» Стагирита в учебные аудитории. Уместно вспомнить работы таких исследователей, как В. Маурер [2] Г. Борнхамм [3], Х. Шайбле [4], Н. Куропка [5]. Но ни эти, ни другие авторы не рассматривали системно вопрос о том, как вызревала у Меланхтона идея реформ университета и какое место в них на разных этапах занимало наследие Аристотеля. Некоторые наблюдения на этот счёт и представлены в настоящей статье.

В центре нашего внимания – сочинения Ф. Меланхтона разных лет: от его первой публичной речи в стенах Виттенбергского университета (1519) и писем к Г. Спалатину, И. Эколампадию (1520–1530) до трактата «О философии» (“De philosophia”, 1536). Они позволяют достаточно глубоко и всесторонне проанализировать представления Меланхтона о трудах Аристотеля и последующую их рецепцию в контексте реформирования университета.

Известно, что в 1519 г. Меланхтон был приглашён на должность профессора греческого языка в Виттенбергский университет. Он был уже достаточно известным учёным, младшим другом и сторонником знаменитого гуманиста Эразма Роттердамского, блестящим знатоком греческого языка, одним из самых просвещённых интеллектуалов Германии того времени. Всё это и стало поводом для его приглашения.

Обратим внимание на важный факт: молодой профессор прибыл на новое место работы с планом, касающимся подготовки нового издания Аристотеля

¹ Здесь и далее перевод с немецкого наш. – П.К.

и собственных комментариев к нему [5, S. 20], разработанным ещё в Тюбингенском университете, где он занимал должность преподавателя. В Виттенберге по обычаю Меланхтон произнёс вступительную речь [6, S. 45–67]. Однако молодой учёный-эразмианец, судя по этой речи, произнесённой пару лет спустя после лютеровских диспутов и инвектив в адрес Аристотеля, возможно, не до конца владел информацией о том, насколько Лютер нетерпим по отношению к наследию Аристотеля. Так или иначе, он позволил себе включить в выступление ссылки на Аристотеля с положительной коннотацией. Речь подтвердила его право на занятие должности профессора, но воплощение грандиозного плана по изданию трудов Аристотеля оказалось под большим вопросом.

Первый этап деятельности Меланхтона в Виттенбергском университете характеризуется действиями учёного, прямо противоположными его первоначальным планам: он отказывается от пропаганды Аристотеля и исключает (на короткое время) его главную работу из учебной программы². Филипп Меланхтон попал под властное влияние харизматичного Мартина Лютера и поэтому вольно или невольно поддерживал своего наставника. Источники позволяют сделать вывод, что требование изгнать Стагирита из университета, явно противоречившее публичному выступлению Меланхтона, очень скоро получило его поддержку. Любопытным в этом контексте выглядит свидетельство самого Меланхтона, датированное тем же 1519 г., когда произносилась речь. В письме к Эколампадию он, пересказывая свои впечатления о Лейпцигском диспуте, очертил, как кажется, ключевую причину неприятия Аристотеля. Он высказал мнение, что использование богословами-католиками работ последнего создало новомодную аристотелевскую теологию, которая имеет мало общего с ранней теологией Христа (CR, Bd. I. p. 88).

Итак, в письме гуманиста зазвучал голос реформатора. Схоласты-аристотелики упрекались в отходе от раннего христианства и текстов ранних отцов церкви. В данный момент для Меланхтона явно важнее критика церкви и её теоретиков, ради которой позже ему показалось возможным «пожертвовать» и самим Аристотелем в его университетско-учебной ипостаси. В письме об этом, правда, ещё нет ни слова.

Но вскоре *риторика* гуманиста в отношении Аристотеля становится более жёсткой, уничижительной и даже оскорбительной. Красноречивым примером могут послужить слова, написанные Меланхтоном в 1521 г. в «Защите Лютера от парижских теологов» (“Adversus theologorum Parisinorum decretum pro Luthero apologia”) (CR, Bd. I, p. 396–416). В этой работе он называет Аристотеля «грязным человеком» (*impurus homo*), который «наврал с три короба» (CR, Bd. I, p. 405). Этот пассаж и другие, схожие с ним, выглядят весьма удивительными, особенно если учитывать образованность молодого учёного, его воспитание в гуманистической среде и те задачи, которые он перед собой ставил. Такие выражения давали повод думать о глубокой внутренней эволюции гуманистических представлений Филиппа Меланхтона, его отходе от гуманистических ценностей,

---

² Речь идёт о том, что Меланхтон в 1526 г. изъял из учебного процесса «Этику» Аристотеля, вместо которой преподавался трактат Цицерона «Об обязанностях» (“De officiis”). В учебный план «Этика» была возвращена в 1527 г. [5, S. 176].

связанных с античностью и её почитанием³. Однако, скорее всего, грубые и просторечные оценки Аристотелю были даны лишь в русле воинственной риторики времени, они являлись своего рода данью Лютеру, а возможно, и неким подражанием наставнику. В любом случае дальнейшие шаги Меланхтона и его усилия по адаптации Аристотеля к университетской программе заставляют усомниться в радикальной трансформации его *учёных* взглядов. Более того, отношение Меланхтона к Аристотелю со второй половины 1520-х гг. словно бы переживает свой «ренессанс», вследствие чего труды философа возвращаются в учебные планы.

Что же именно произошло? Разобраться в позиции Меланхтона по отношению к Лютеру и его университетской программе помогает историко-культурный контекст, анализ тех образовательных и политических проблем, которые имели место в Виттенберге. Прежде всего следует вспомнить первоочередные задачи в сфере образования, стоявшие перед гуманистом. Повышение качества обучения студентов всегда было приоритетным в педагогической деятельности Меланхтона, Реформация же ещё более обострила эту проблему, поскольку её влияние сказалось на содержании обучения не лучшим образом. В свете упрощённо и политически-публицистично понимаемых идей Реформации студенты университета в начале 1520-х гг. были настроены против «ненужных», по их мнению, и сложных предметов. Среди них, как следует из речи Меланхтона “*De gradibus dicentium*” (1525), оказались грамматика, диалектика, естественные науки вместе с их большим аристотелевским фундаментом. Студенты стремились побыстрее попасть на «высший» – теологический – факультет и заняться там актуальной практической проповедью, пытаясь обойти при этом основополагающий «низший» («артистический») факультет (CR, Bd. XI, p. 100), что привело к общему упадку интереса и ухудшению его качества.

Столь плачевное состояние дел заставило Меланхтона ещё в пору реформационных бурных событий искать нетрадиционные методы повышения качества образования и интереса к нему, вводить новации. Например, гуманист рекомендовал закрепить за каждым студентом отдельного преподавателя. Правда, из письма Меланхтона к Спалатину от 1522 г., мы узнаём, что этот план потерпел неудачу по причине, как писал сам автор идеи, «чванливости студентов», «лени доцентов» и «нежелания городских властей покрывать дополнительные расходы» (CR, Bd. I, p. 583–584; MBW, 249.2).

Несколько успешнее была идея Меланхтона больше опекать тех студентов, которые жили в общежитии (*Collegien*). По замыслу реформатора, университетские преподаватели должны были жить вместе со студентами и, следовательно, в постоянном общении предоставлять необходимые консультативные услуги. Меланхтон как автор проекта, судя по письмам от 1523 г. к тому же Спалатину, и сам был не прочь работать по такой схеме (CR, Bd. I, p. 539–542; MBW, 251.1). Можно утверждать, что этот план частично сработал: речь идёт о двух периодах деятельности Меланхтона. Первый попадает на годы, когда университет находился в эвакуации (после того, как император Карл V в Первую Шмалькальденскую войну захватил Виттенберг (1547)). Вторым –

³ Так, Х. Шайбле считает, что гуманистические взгляды Меланхтона претерпели радикальные изменения в связи с тем, что он разделял представления М. Лютера о противоречии между трудами Аристотеля и новой евангелической верой, учением о благодати и «*Этикой*» Аристотеля [4, S. 148].

на время, когда строился новый дом Меланхтона в Виттенберге, а будущий хозяин некоторое время проживал в общежитии со студентами. Однако фактов, позволяющих говорить о системной эффективности этих мер, у нас нет. Не видел существенных результатов и реформатор. Поэтому другие предложения нацеливались не на поверхностные улучшения, а на основательную и глубокую реорганизацию учебного процесса с включением новых дисциплин и использованием новых методов их преподавания.

Это стало возможным к середине 20-х годов XVI в. и было связано с несколькими важными событиями. Во-первых, в зимнем семестре 1523–1524 гг. Ф. Меланхтона избрали ректором, что расширило его полномочия и, таким образом, сделало возможным хотя бы частичное проведение реформ. Так, в дореформационные времена наиболее важным средством контроля усвоения знаний и навыков студентами были субботние диспуты по формальной логике. Однако в контексте борьбы со схоластической логикой они были упразднены в связи с их кажущейся беспредметностью. С началом ректорства Меланхтона диспуты возобновились. Правда, это уже были упражнения не в формальной логике, а в риторике. Данные меры быстро показали свою эффективность, так как в студенческой среде (не только теологического факультета) новые диспуты пользовались популярностью, считались действенным инструментом в подготовке к проповеднической деятельности [4, S. 146].

Во-вторых, в 1525 г. полную власть над Саксонией получил Иоганн Твёрдый (1467–1532)⁴. Смена власти положительно сказалась на университете в плане расширения границ академических свобод, что особенно ярко показало себя в случае Меланхтона, получившего не только двукратное увеличение зарплаты (со 100 гульденов до 200) но и право читать те лекции, которые он сам пожелает, и при этом не перегружать себя теологией (MBW, 446). Можно считать, что получение академических свобод в выборе тематики и содержания лекций стало поворотным пунктом в деятельности Меланхтона, так как спустя недолгое время (в 1527 г.) он объявил о начале чтения лекций по сочинению Аристотеля «Никомахова этика» (MBW, 580.5). Этот шаг кажется особенно серьёзным, если вспомнить, что Лютер считал данный трактат «зловреднейшим» из произведений Аристотеля и принесшим наибольший вред христианству⁵. «Опала» Аристотеля продолжалась один учебный год.

Но, безусловно, наиболее интересным в контексте реформы университета и рецепции античного наследия оказался небольшой трактат Меланхтона “*De philosophia*”⁶ (CR, Bd. XI, p. 278–284) [6, S. 131–141], ставший важным звеном

⁴ Титул «Твёрдый» он получил за борьбу с католицизмом.

⁵ Лютер так считал, поскольку был убеждён, что рецептированная Аристотелевская философия противопоставляет милость Божию и христианские добродетели (“stracks der Gnaden Gottes und christlichen Tugenden entgegen” (“An den christlichen Adel deutscher Nation von des christlichen Standes Besserung”, S. 413)). Х. Шайбле утверждал, что к тому времени, пока Лютер не мог осуществить разграничение между божественной справедливостью, которая даётся как Евангелие, и светской справедливостью, делающей возможным человеческое сосуществование в социуме, «Этика» Аристотеля рассматривалась им как вредная [4, S. 149].

⁶ Заметим, что причина создания трактата состояла не только в желании примирить и согласовать теологию и философию. Трактат стал следствием дискуссий с анабаптистами, категорически отвергавшими вообще всякую учёность. Другой важной причиной, как кажется, была болезненная для Меланхтона психологическая проблема – жестокая полемика между Лютером и Эразмом, разразившаяся после публикации в 1524 г. Эразмом Роттердамским трактата «О свободе воли» (“*De libero arbitrio*”). Этот трактат положил начало целой серии острых полемических текстов с обеих сторон.

в сложном процессе реабилитации Аристотеля. Год его создания –1536 – показывает, что со времени начала реабилитации Меланхтоном Аристотеля прошло почти десять лет. Этот трактат важен и интересен в том смысле, что он, по сути, стал основательной попыткой реабилитации философии вообще и первой важной ступенью открытого признания Аристотеля.

Итак, во вступительной части трактата-речи “De philosophia” Меланхтон очертил важность философии для двух институтов: церкви и государства. Слава церкви и польза государства – вот пафос и лейтмотив речи: «Ничего не может быть лучше, чем слава церкви, ничего нет более ценного» (CR, Bd. XI, S. 279). А потому «...именно эта причина должна побуждать нас достигать высоких успехов в учёбе, дабы принести максимально большую пользу государству и церкви» (CR, Bd. XI, p. 279).

Однако если опустить присущий гуманисту пафос и общие фразы, то наибольший интерес представляют слова, которые, как кажется, достаточно ясно очертили пути достижения «максимально большей пользы государству и церкви». Имеется в виду выражение, вместившее, по нашему мнению, ключевую идею. Меланхтон заявил, что «церковь нуждается не только в знании грамматики, но и в знании многих других наук – в *либеральной эрудиции*» (“Ecclesiae opus esse liberali eruditione...”) (CR, Bd. XI, p. 279).

Следует заметить, что словосочетание *liberali eruditione*, которое встречается не только у Меланхтона, имеет в современных переводах различные интерпретации. Например, в прекрасном немецком переводе рассматриваемого трактата, который совершил Гюнтер Франк, этот фрагмент звучит следующим образом: «церковь нуждается в свободном образовании» (“dass die Kirche die freie Bildung benötigt”) [6, S. 133]. Подобное словосочетание встречается и в работах Эразма Роттердамского (“Antibarbarorum Liber”, 1520), где *liberali eruditione* на русский язык было переведено как «светская учёность» [7, с. 166].

Однако трактовка понятия *liberali eruditione* в смысле «свободное образование» и «светская учёность», на наш взгляд, несколько сужает рамки реформы и не вполне отражает представления гуманиста о её содержании. Речь идёт именно о *либеральной эрудиции*, если воспользоваться калькой с латинского. Конечно, принимая за исходную точку рассуждений понятие *liberali eruditione*, мы не рассматриваем либеральную эрудицию в рамках более поздней идейной доктрины либерализма XVII – XIX вв., то есть как цельную философскую, политическую и экономическую теорию. Но видим в ней убеждение в необходимости скорейшего избавления от догм, довлеющих традиций, обычаев, одновременно предполагающее развитое дифференцированное представление о свободе вообще. В нашем случае имеется в виду свобода выбора предмета исследования, недогматическая и филологическая критика текстов Библии, акцент на широком применении античной мудрости. По сути, за этим стоит призыв перенести идеи, выросшие из классического рационализма, на почву лютеранского христианства.

Одновременно мы говорим о *liberali eruditione* как о продукте интеллектуального движения эпохи Реформации, когда реформатор в русле новых тенденций обращался к античной литературе и цивилизации, пытаясь найти в ней тот опыт, на который можно было бы опереться в ситуации распада средневековой традиционной религиозности. Таким образом, *liberali eruditione* можно

считать неким синтезом и компромиссом между античностью и новой религиозностью, попыткой извлечения культурной пользы из греко-римской мудрости без отхода от христианства.

Красной нитью через речь Меланхтона проходит тезис, что «отторжение религии приводит, как следствие, к светскому или эпикурейскому способу мышления» [6, S. 136]. Это утверждение и подобные ему, неоднократно повторяемые в разных вариациях, убеждают, что для гуманиста слова о необходимости тесной связи обучения с христианской религией не были риторической фигурой.

В контексте реформирования программ университетского образования и внедрения *liberali eruditione* гуманист рассматривает важнейшую во многих отношениях проблему служения государству и церкви. На его взгляд, религия и церковь не должны дистанцироваться от научно-философских знаний, поскольку существует чёткая взаимосвязь между использованием научных достижений и морально-этическим климатом в церкви и во всём обществе: «Честь и сила тех наук будет ещё лучше заметна, когда мы будем иметь в виду, насколько они нужны в церкви. Ведь какой тьмой закрывает религию незнание, какие опустошения, какой жестокий раскол церкви, какое варварство производит, и к какому смущению это приводит весь род человеческий. Только если это обдумать, то можно представить, какая сила и мощь таится в тех науках» [6, S. 133].

Перед нами речь убеждённого гуманиста, в глазах которого *знание* придаёт вере свет. Сама вера вписывается в контекст культуры как её важный компонент наряду с науками, плодом которых является знание. Такая логика ведёт к античному знанию и обозначает уязвимость лютеровской позиции как одной: он за новую веру, но против её связи с классическим светским знанием.

Меланхтон мыслил широко. Он уже хорошо знал по опыту Реформации, что религиозные споры не исчерпываются только сферой диспутов. Они выходят за пределы духовного противостояния и угрожают стабильности государства. Эта мысль становится следующим «месседжем» речи, гласящим, что без основательного фундамента, базируемого на философии, религиозное учение не будет иметь целостности и ясности, оно «может производить только бесконечные ошибки и расколы». А раскол религиозный – это раскол общества. В таком состоянии, когда «каждый защищает свою фальсификацию, возникают распри и споры» [6, S. 135].

Автор, пытаясь донести и объяснить необходимость применения философии, вполне в духе гуманизма апеллирует к античности, что придаёт речи мощную экспрессию с ярко выраженным дидактическим эффектом. События недавнего прошлого, когда наукой начали открыто пренебрегать, а её ненадобность провозглашали с университетских кафедр и церковных амвонов, свежи в памяти гуманиста. Ему кажется, что образование и культура в связке с верой могут стать панацеей от подобных бед и катаклизмов. Поэтому он страстно, ярко, остро призывает всех, кто «услышит неразумные речи относительно того, что *liberali eruditione* в церкви не нужна, не только бежать от таковых и обходить их с заткнутыми ушами, как это сделали Одиссей и его спутники, но и проклинать подобных, как ужасную эпидемию и отвратительных чудовищ [6, S. 134].

Меланхтон в данном случае не ограничивается критикой внешних по отношению к лютеранской церкви лиц – без сомнения, перед нами критика лютеранской

проповеднической практики и тех, кто её осуществляет. Получается, что в понятие новой веры вкладывались очень разные смыслы. В глазах Меланхтона теперь чудящими становятся необразованные лютеранские пастыри, как прежде для Лютера чудящими были недобродетельные католические священники. Образование превращается в обязанность и добродетель нового пастора. Такой подход больше выдаёт гуманиста, чем реформатора.

Дальнейшая апелляция к античным образам приобретает у Меланхтона ещё более системный вид, показывающий, что греческая философия и наука с одной стороны и греческая поэзия с другой были для него культурными фактами разного, если не противоположного порядка. Меланхтон сравнивает невежественную теологию с «Илиадой». Первая, как и вторая, – «скопище зла, проблем, войны и горя», запутанное учение, в котором то, что должно сочетаться, не сочетается, большие вещи не упорядочены, а то, что нужно связать, разрывается. Он подчёркивает всю парадоксальность ситуации через слова Горация: «Это так же, как если бы художник пририсовал человеческой голове лошадиную шею, да ещё и понавставлял пёстрых перьев» [6, S. 134]. Сравнение невежественной теологии с языческой поэзией гомеровского времени явно призвано изобличить первую как варварское и чуждое христианству прошлое, подчеркнуть её идейную противоречивость и бессистемность. Получается, что не только греческая учёность, но и греческая поэзия становится орудием изобличения куцей теологии реформаторов-радикалов. К ним, кстати, он относит и анабаптистов.

Какие же пути видит Меланхтон для выхода из сложившейся ситуации? Можем утверждать, что выход он усматривал в контексте реализации идеи *liberali eruditione*. Именно к этой идее гуманист постоянно возвращается, неустанно повторяя, что церковь должна обращаться ко многим наукам, «потому что для суждений, верного и ясного изложения сложных и неясных вещей недостаточно знать тривиальные правила грамматики и диалектики, но необходимо разностороннее обучение». И далее конкретизирует: «Для христианского учения многое должно братья из “Физики” и многое из моральной философии» [6, S. 135]. Но это означает только одно: знание должно черпаться из классического сочинения Аристотеля «Физика» и его же (и не только его) сочинений по этике.

Кстати, неоднократное упоминание «Физики», как кажется, не случайно. Здесь проглядывает попытка реабилитации ещё одной, весьма важной для Меланхтона науки – астрологии. Известно, сколь много усилий в эти и последующие годы прикладывал Меланхтон для того, чтобы астрология, считавшаяся им частью физики, стала равной другим наукам⁷. Провозглашаемая гуманистом либеральная эрудиция, как никакая другая идея, оказывалась способной органично адаптировать его представления об астрологии. Не случайно он в рас-

⁷ Например, в трактате “Initia Doctrinae Physicae” (1550) находим следующее: «Астрология – это часть физических наук. Она изучает, каким образом свет звёзд мог бы влиять на материю и смешение субстанций, каким должно быть их соотношение, какие вариации и отклонения оно вызывает» (CR, Bd. XI, p. 263). Эта часть физики, по Меланхтону, должна заниматься исследованием влияния движения небесных тел на «человеческую природу», находить, «какая есть связь между телами небесными и земными, особенно с человеком» (CR, Bd. XIII, p. 180). В других работах, например “De dignitate astrologiae” (1535), Меланхтон также рассматривает астрологию как область физики (CR, Bd. XI, p. 263). Подобные мысли высказываются и в рукописи “Physicae seu naturalis philosophicae compendium” (1543).

смаатриваемой речи, совсем небольшой по объёму, находит место для астрологии и специально уделяет ей внимание: «Это варварство, чтобы не сказать больше, пренебрегать прекрасной наукой о движении планет, которые делают возможным различение лет и времён, которые сообщают нам о приближении крупных событий и призывают нас мудро пользоваться этим» (CR, Bd. I, p. 137).

Обратим внимание, что достаточно широкий спектр включаемых в изучение дисциплин может вызвать ощущение хаотичности. Однако это не так. Вопрос структурированности дисциплин и их взаимодействия волновал Меланхтона. Не случайно в конце трактата он пишет о том, что либеральная эрудиция должна подчиняться системе и, что наиболее важно, методу: «...Я не призываю всё смешивать в кучу – теологию и философию (как повар различные супы), но я хочу, чтобы теологу помогал метод». И далее: «...Невежественными я называю не только тех, кто не знает античной литературы и науки, как анабаптисты, но и тех непристойных говорунов, которые ничего существенного не говорят, хотя и сверкают изысканными речами. И это происходит потому, что они не владеют методом, что и не даёт им возможности основательно охватить сущность вещей» (CR, Bd. I, p. 137). Говоря об образованности и эрудиции, Меланхтон подводит слушателя к ещё одной важной мысли. Многократно повторяемый тезис о необходимости метода, очевидно, должен был увенчаться ссылкой на автора или учение, которые обладают методом. Что мы и видим в завершении: «Я стремлюсь к образованной философии, а не к той изощрённости, в основе которой нет никакого смысла. Поэтому я говорю о том, что надо выбрать ту часть философии, которая наименее софистична и содержит достаточный метод. А таковому соответствует аристотелевское учение» (CR, Bd. I, p. 137). Иными словами, аристотелевскому методу возвращается роль важнейшего инструмента познания, причём не только философских, но и богословских истин.

Итак, рассмотренный материал позволяет указать на неоднозначность позиции Меланхтона в отношении Аристотеля в разные годы Реформации. В первые годы пребывания Меланхтона в Виттенберге его риторика относительно роли античной философии и аристотелевских трудов в системе образования была схожа с лютеровской, но понимание важности этих работ у гуманиста сохранялось. Вопреки мощному давлению со стороны Мартина Лютера, пытавшегося избавиться от интеллектуального наследия Аристотеля, у Филиппа Меланхтона формировалось иное, собственное понимание общественной потребности в создании, по сути, нового, реформированного образования. Не меньше он понимал, что это образование невозможно без рецепции античного наследия Аристотеля, которое мыслилось в рамках либеральной эрудиции.

Summary

P.N. Kotliarov. Liberali Eruditione and the Aristotelian Heritage: Philip Melanchthon's Projects of the Reform in Wittenberg University.

The German Reformation raised many questions in all spheres of the public life, including university traditions and practices. In years before the Reformation, Martin Luther had challenged the necessity of teaching of some Aristotle's works in universities. The humanist Philip Melanchthon (1497–1560), the closest friend and follower of Martin Luther, at the very beginning supported “the expulsion” of Aristotle from universities. However, his attitude towards

Aristotle underwent a noticeable evolution by the late 1520s, which led him to the program for returning of the ancient philosopher's works to German universities. The paper is focused mainly on Melanchthon's oration entitled "De philosophia" (1536) setting forth the humanist's views on the Aristotelian heritage. We analyze different meanings of the concept of "liberali eruditione" (liberal erudition), which was understood by Melanchthon as a synthesis of ancient erudition and new religiosity.

Keywords: Ph. Melanchthon, Aristotle, Reformation, humanism, liberal erudition, education.

Источники

WA – D. Martin Luthers Werke. – Weimar: H. Böhlau, 1883. – Bd. I. – 710 S.

CR – Corpus Reformatorum. – Halle: C.A. Schwetschke, 1834–1860. – Bd. I–XXVIII.

MBW – Melanchthons Briefwechsel. – Stuttgart-Bad Cannstatt, 1991–2000. – Bd. I–III.

Литература

1. Соловьёв Э.Ю. Время и дело Мартина Лютера // Прошлое толкует нас. Очерки по истории философии и культуры. – М.: Политиздат, 1991. – С. 54–126.
2. Maurer W. Der junge Melanchthon zwischen Humanismus und Reformation. – Göttingen, 1996. – Bd. I. – 247 S.
3. Bornkamm H. Die theologischen Thesen Luthers bei der Heidelberger Disputation 1518 und seine theologia Crucis // Luther. Gestalt und Wirkungen. – Gütersloh: Gütersloher Verlagshaus G. Mohn, 1975. – S. 130–146.
4. Scheible H. Aristoteles und die Wittenberger Universitätsreform. Zum Quellenwert von Lutherbriefen // Humanismus und Wittenberger Reformation / Hg. M. Beyer. – Leipzig: Evangelische Verlagsanstalt, 1997. – S. 123–144.
5. Kurovka N. Philipp Melanchthon: Wissenschaft und Gesellschaft. Ein Gelehrter im Dienst der Kirche (1526–1532). – Tübingen: Mohr Siebeck, 2002. – 324 S.
6. Melanchthon deutsch / Hgs. M. Beyer, S. Rhein, G. Wartenberg. – Leipzig: Evangelische Verlagsanstalt, 2010. – Bd. I: Schule und Universität, Philosophie, Geschichte und Politik. – 360 S.
7. Ошиц В.В. Нидерландские гуманисты и Эразм Роттердамский // История всемирной литературы: в 9 т. – М.: Наука, 1985. – Т. III. – С. 165–172.

Поступила в редакцию
30.10.14

Котляров Пётр Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков, Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, г. Киев, Украина.

E-mail: pkotl122@yandex.ru